

АНДРЕЙ
ТРОЦКИЙ

ЧЕРНОСТЬ

Андрей Борисович Троицкий

Ревность

Серия «Майор Девяткин», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25285925

Аннотация

В Северной Каролине (США) в своем особняке доживает последние дни вдовец Сергей Наумов, – богатый старик, выходец из России. Зная, что дни его сочтены, он просит приехать детей – двух сыновей и дочь. Дочь Ольга давно перебралась в Америку. Вместе со своим мужем Джоном владеет фирмой по продаже антиквариата. Ольга не приехала, ее муж Джон говорит, что жена якобы заболела. Два сына Наумова живут в России. Старший сын Павел – известный писатель, автор криминальных романов. Он приезжает вместе с молодой женой Розой, красивой, но крайне легкомысленной. Вместе с писателем его адвокат Дмитрий Радченко. Между тем в России в загородном доме Наумова находят трупы мужчины и женщины со следами насильственной смерти, полиция начинает расследование. Между тем отношения родственников с самого начала отравлены завистью, недоверием и ревностью, жгучей, доходящей до иступления, безумия. Значит, до убийства – один шаг. А, когда пролита первая кровь, остановиться трудно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Андрей Троицкий

Ревность

Глава 1

Хозяин адвокатской конторы «Пролозов и компаньоны» вызвал Диму Радченко в свой кабинет, закурил трубку и спросил, чем в данный момент занимается подчиненный. Выслушав ответ, махнул рукой и сказал, что все эти дела не первой срочности и не первой важности. И задал другой вопрос: какое отношение к творчеству известного писателя Павла Наумова. Ответом шеф был разочарован, выяснилось, что Радченко прочитал только одну книгу этого автора, да и не то, чтобы прочитал, просмотрел по диагонали и в восторг не пришел. Книжка попала в руки, потому что жена увлекается такой литературой, читает все подряд, без разбора.

– Наумов наш старый клиент, – сказал Юрий Полозов. – Он со дня на день уезжает в Америку, в Северную Каролину. Запланировано несколько лекций в университетах на Восточном побережье. И еще, это важнее, – отец находится при смерти. У старика в Америке собственность и большие деньги. Ты поедешь вместе с Наумовым. Он хочет, чтобы в этой поездке его сопровождал хороший юрист.

– Как юрист я бесполезен в Америке. У меня же нет та-

мошной лицензии.

– Не имеет значения. Думаю, что юридической практикой тебе заниматься не придется. Наумов человек мнительный. А эта поездка очень важна для него. Лекции русского писателя в американских университетах – это престижно. А умирающий папочка может оставить круглую сумму, которая исцелит горечь от потери близкого человека. Короче, ты все понял. Наумову нужен не столько юрист, сколько советчик, человек на которого можно положиться. Он боится осложнений с отцом, у старика трудный характер. Короче, он сам тебе расскажет обо всех своих страхах. Просто будь рядом с ним – вот и вся работа. И давай дельные советы.

– Но я мало смыслю в делах о наследстве.

– Наследством занимается американский адвокат. А тебе остается просто наблюдать за происходящим. Ты свободно говоришь по-английски. И вообще... Симпатичный компанейский парень. Ты мне самому нравишься, когда не зазнаешься и носишь фирменные костюмы, а не дешевые тряпки, купленные на рынке у китайцев. Ты служил в специальных частях морской пехоты. Участвовал в локальных конфликтах и убивал людей голыми руками. Мне не нравятся убийцы, даже если они проливали чужую кровь во имя высших интересов государства. Тем не менее, я рекомендовал именно тебя, а Наумов верит мне на слово. Надеюсь, навыки, полученные в армии, тебе не понадобятся. Во всяком случае, на пляже в Северной Каролине.

– Это надолго, ну, наша поездка?

– Какая разница? Неделя, две недели, месяц... Итак, у одра умирающего отца соберутся все дети: два сына и дочь. Наш клиент Павел Наумов с молодой женой Розой. Кстати, его жена – женщина неземной красоты. У тебя появится шанс на любовную интрижку. Даже не интрижку – шикарное любовное приключение. Последнее «прости» хочет сказать умирающему отцу дочь Ольга. Она давно живет в Штатах, замужем за американцем, у них с мужем фирма по продаже антиквариата. Прилетит из России Вадим Наумов, младший сын, директор какого-то крупного оборонного завода. Вадим неродной сын, Наумовы усыновила мальчишку, когда тот в детстве лишился отца и матери. Все члены семьи приятные интеллигентные люди.

– Да, да, – Радченко выглядел расстроенным и не мог этого скрыть. – Еще кто-то будет из родственников?

– Больше никого. Дима, тебе дают приятную легкую работу, даже не работу, а шикарный отпуск за счет фирмы, а ты задаешь странные вопросы и не испытываешь энтузиазма. Отец Наумова живет в Северной Каролине, от его дома до океанского пляжа, фантастически красивого, всего сто метров. Я бы сам туда съездил вместо тебя. Но кто-то должен делами заниматься.

– Мы с женой и ребенком хотели в отпуск съездить. Уже за путевки заплатили. Галя очень расстроится.

– Ее настроение поднимется, когда ты вернешься. И полу-

чишь хорошую премию. Я не женат. Поэтому капризы женщин не мешают работе. А у тебя, как я понимаю, все наоборот. Говорят, ты очень чуткий к капризам жены.

Полозов свел брови, значит, начал закипать, сердиться. Радченко вздохнул и ответил, что готов лететь хоть на край света, раз так надо, а в самолете прочитает последний роман Наумова. Через пару дней Радченко вместе с писателем и его женой вылетел в Америку.

* * *

Майор полиции Юрий Девяткин пнул ногой приоткрытую дверь и стал спускаться вниз по ступенькам. Подвал особняка оказался довольно просторным. Здесь были включено верхнее освещение, несколько люминесцентных ламп с отражателями, кроме того, из окошек под потолком проникал дневной свет. Девяткин поморщился от тяжелого запаха разложения и тлена. Цементная пыль плавала в воздухе и щекотала нос, хотелось чихнуть. Недавно здесь вскрыли бетонный пол, вытаскивали труп, поэтому пыль столбом.

В нескольких шагах от лестницы на низком раскладном стульчике без спинки сидел немолодой дядька эксперт-криминалист Василий Усов, для своих просто дядя Вася. Он наклонился над ямой в полу, светил туда фонариком и ковырял палкой землю, будто что-то искал.

– Привет, как дела? – сказал Девяткин.

– Неплохо. А я думал, вместо тебя кого другого пришлют.

– Это с чего же так думал?

– Говорят, Юра, у тебя неприятности.

Девяткин нахмурился. У дурных вестей длинные ноги, вот уже и дядя Вася знает. Значит, в управлении уголовного розыска всю неделю только об этом и будут сплетничать: Девяткин во время допроса до смерти забил подозреваемого. Да что там... Об этом и так говорят все, кому не лень, он сам слышал разговоры. Мол, по-человечески понять Девяткина можно, подозреваемый – матерый рецидивист, бандит и убийца.

– Значить, от работы пока тебя не отстранили? – спросил дядя Вася.

– Да за что же меня от работы отстранять, господи? – Девяткин, чтобы спастись от подвальной вони, закурил. – Я уже десять раз написал объяснения об обстоятельствах той истории. Несчастного случая. Этого мужика я пальцем не тронул. Его привели из нашего следственного изолятора. Он сел на стул. Еще и допрос не начинали. Он плохо выглядел, лицо бледно, губы серые. Я спросил: как со здоровьем? А он вместо ответа стал медленно оседать, сполз со стула. И грохнулся на пол, ударился головой. Я вызвал врача. Но пока то да се, мужик умер. У него сердце слабое было.

– Понятно. Значит, умер естественной смертью?

– Почему бы и нет. У него на теле никаких повреждений. Точнее, синяки есть. При задержании его оперативники пару

раз приложили. Простые синяки и ссадины. От них не умирают. А он здоровый такой бугай, килограмм сто двадцать, не меньше. Ну, был здоровый...

Возле стены на пластиковых ящиках из-под минеральной воды, переговариваясь шепотом, ждали фотограф и два оперативника в штатском из ГУВД Москвы. При появлении Девяткина они поднялись и поздоровались. А теперь с интересом прислушивались к разговору.

– Идите наверх, парни, – сказал им Девяткин. – Приведите понятых. Опросите соседей и администратора из конторы. Затем начинайте обыск. Надо бы до темноты управиться.

– Управимся, Юрий Иванович, – сказал один из оперативников. – Полдень на дворе.

– Дом огромный. Тут работы полно.

Девяткин огляделся по сторонам. Подвал был разделен перегородкой на две половины. Здесь, возле лестницы, стоял отопительный котел и устройства вентиляции воздуха. Наверх уходили короба из оцинкованного железа. Дальше через открытую дверь видна другая часть подвала, пустая и серая.

В нескольких шагах наискосок от лестницы, где устроился дядя Вася, темнел провал в бетонном полу, широкий и длинный. Края неровные, только что здесь оперативники поработали молотком и ломом, освобождая из бетонного плена страшную находку. Возле стены был разложен палас, заскорузлый и потемневший, будто присыпанный толстым слоем

пыли.

Девяткин подошел ближе, наклонился. На ковре женское тело, покрытое коркой засохшего раствора. Местами корка потрескалась и отвалилась. Женщина была одета в темно синий брючный костюм и светлую сорочку, на шее бордовый шелковый шарфик, обуви нет. Лицо сильно изуродовано, левый глаз вытек, расплюсчен нос, выбиты передние зубы, широко открытый рот набит засохшим раствором. На глаз трудно определить, сколько жертве лет, может, двадцать с небольшим, может, все шестьдесят.

– Что скажешь, дядя Вася? – Девяткин присел на корточки. – Приблизительное время убийства?

– Явных гнилостных изменений на женском теле не видно. Значит, неделя или дней десять. Посмотри в углу, за отопительным котлом. Там второй труп. Мы его пока не вытаскивали.

Девяткин прошел в темный угол, включил фонарик. Здесь тоже был провал в бетонном полу, рядом лежал лом, топор и пара лопат. Оперативники начала вскрывать пол, но бросили это занятие, дядя Вася приказал ничего не трогать, пока он не закончит с первым телом. Девяткин посветил фонарем вниз. Труп лежал ничком. В круге света была хорошо видна левая нога мужчины и еще кисть левой руки, пальцы, сжаты в кулак. Это тело не потрудились завернуть в палас или одеяло, просто бросили здесь и кое-как залили бетоном.

– Убийства совершены здесь же, в доме, – сказал Дядя Ва-

ся. – Скорее всего, в кухне. Там на стенах, я видел мелкие кровавые пятна. Трупы столкнули по лестнице в подвал, – на ступеньках брызги крови. Коттедж построили три года назад, но в подвале остались строительные недоделки. Видимо, здесь хотели установить какое-то оборудование, но так и не установили. Остались пустые ниши в полу, каждая шириной в метр и длиной два метра. В одну из ниш бросили женское тело, завернутое в палас. И наскоро залили бетоном.

– Еще что-нибудь?

– Женщина была еще жива, когда тело заливали бетоном. Поэтому дыхательные пути наполнены затвердевшим раствором. На женское тело наткнулись случайно. Месяц назад дом был заложен банку. Хозяин нуждался в наличных. Он оставил особняк в качестве залогового обеспечения по кредиту. Недавно хозяин с женой уехали за границу, вниз спустился представитель банка, которм оставили ключи. Хотел посмотреть, что и как. Пол под ним буквально провалился. Да, могила получилась неглубокой. И палас мягкий. Бетонный пол рассыпался под ногами. Этот парень почувствовал ужасный запах, испугался до обморока. Ну, и позвонил в полицию. Остальное будет известно после вскрытия.

– Не слышал, чей это особняк?

– Есть такой писатель Павел Наумов, он хозяин.

Ранним утром, когда солнце еще не поднялось, а за окном брезжили предрассветные сумерки, Диму Радченко разбудили телефонный звонок. Он сел на кровати, нашарил трубку мобильного. Звонил врач Сергея Марковича Наумова. Мужчина сказал, что со вчерашнего вечера у старика острые боли в области сердца, он не спал всю ночь. Временами впадал в забытие и снова приходил в себя. Наумов, человек деликатный, запретил звонить сыну Павлу среди ночи. У сына скоро выступление перед читателями в местном университете, надо оставаться свежим и выглядеть на миллион долларов. Сейчас старик попросит разбудить Павла, чтобы тот приехал, машин у выслали.

Радченко поблагодарил врача, надел полосатый халат, отдернул шторы. С высоты двенадцатого этажа открывался вид на уходящую к горизонту автомобильную стоянку, забитую машинами отдыхающих. Он сунул ноги в резиновые шлепанцы, вышел в коридор, лифтом спустился на четвертый этаж и стучал в дверь, пока ее не открыли.

– А, это ты, – жена Павла красавица Роза отошла в сторону, и сморщила носик, будто ждала в гости важную особу, а явился Радченко. – Что случилось?

– Старик...

– Умер? – в глазах Розы блеснул огонек.

– Он жив, – Радченко оторвал взгляд от соблазнительных выпуклостей женского тела. – Ночью был приступ. Но, слава богу, обошлось. Нас ждут. Машина скоро будет.

На Розе была полупрозрачная короткая рубашка цвета морской волны, державшаяся на узких бретельках, с огромным вырезом на груди. Она не стеснялась наготы, напротив, выставляла ее напоказ. Роза повернулась к гостю спиной и, отступив к кофейному столику, медленно наклонилась. Рубашка поползла вверх, обнажая розовые ягодицы. Радченко проглотил слюну и сделал волевое усилие, чтобы отвести взгляд. Роза подняла пачку сигарет, села в кожаное красное кресло, закинула ногу на ногу и прикурила от настольной зажигалки. Даже после бурной ночи, проведенной в гостиничном баре, она выглядела свежей, чувственной и настолько соблазнительной, что за ней пошел бы на край света целый полк мужчин. Возможно, целая армия.

– Время не ждет, – Радченко не уходил. – Мне Павла самому разбудить?

Дверь в спальню приоткрылась, высунулась всклокоченная голова Павла.

– Я уже встал, – он бросил гневный взгляд на жену. – Собирайся, Роза. Или ты прямо так поедешь, голяком?

– Мне обязательно ехать? Башка раскалывается. Может быть, сегодня ты без меня наведишь своего драгоценного папашу?

– Отец будет недоволен...

– Можешь идти, – Павел косо глянул на Радченко. – Сеанс стриптиза закончен.

Радченко вышел за дверь, поднялся к себе.

* * *

Ночь, наполненная болью и страданием, кажется, прошла почти бесследно для старика. Сергей Маркович смотрел ясными глазами, губы порозовели, на худом лице проступили краски жизни. Он лежал на огромной кровати с резной спинкой из красного дерева, истончавшиеся желтые руки поверх одеяла.

– Где Ольга, где моя дочь? – этот вопрос он повторял несколько раз на дню.

– Она не звонила, – ответил Павел. – Ну, думаю, приедет со дня на день...

– Она приедет, – повторил старик. – Я это слышу каждый день. А Ольга даже позвонить не может. Где она? Никто не знает. Что вы за дети? Где у вас сердце?

На этот вопрос Павел ответил покашливанием в кулак.

– Господи, когда господь заберет меня? – Наумов застонал. – Просишь смерти, а получаешь мучения. Новые и новые мучения... И они не кончаются.

– Ну, зачем ты так, отец? – Павел встал, поправил подушку и снова опустился на стул. – Я только что разговаривал с врачом. Он уверяет, что для беспокойства нет оснований.

Никаких.

– С годами мой врач все хуже лечит. И все лучше врет. Господи, если мои мучения не кончатся через неделю, клянусь всем святым, я приму яд.

– Но отец...

– Я сказал, что приму яд. И сделаю это, потому что не осталось сил жить дальше. С такими детьми...

Старик повернул голову направо, где стояли капельницы, укрепленные на металлических штативах, за ними светились мониторы медицинской аппаратуры, на столиках громоздились какие-то ящики с переключателями и проводами, протянувшимися к кровати. Если верить приборам, давление старика было в норме, сердце работало как швейцарские часы, содержание кислорода в крови нормальное.

В темной глубине комнаты сидел мужчина в белом халате, ассистент врача по имени Сэм, тот самый, которого Радченко уже встречал здесь несколько раз. Сэм поглядывал на мониторы, изредка делал какие-то пометки в бумагах. Павлу с женой, пришлось довольствоваться жесткими стульями, стоявшими у изголовья кровати. Радченко досталось лучшее место – мягкое кресло возле окна.

– Павел, почитай мне, – голос старика подрагивал от слабости. – С того места, где закладка.

Сын взял с тумбочки зеленый томик «Приключения Оливера Твиста», раскрыл книгу и начал читать ровным невыразительным голосом. Старик лежал, закрыв глаза и не дви-

гаясь, и трудно было понять, дышит он или нет. Лицо Розы сохраняло скорбное выражение, она делала вид, будто внимательно слушает. Иногда кивала головой и тяжело вздыхала. В облегающем черном платье, тесноватом и эротичном, она выглядела более сексуальной, чем в полупрозрачной рубашке на бретельках.

Старик приподнял руку, обрывая чтение.

– Когда я слышу прозу Диккенса, мне видятся вечерние улицы Лондона, сырые, занавешенные туманом. Пахнет дымом, это горожане топят камины. Пешеходов почти нет. Иногда попадается конный экипаж. Это поэзия старой Англии. Ничего подобного сейчас не увидишь. Лондон – это перенаселенный мегаполис. Мертвая Темза, полчища туристов, цены до небес...

Роза вышла из состояния дремоты и оживилась:

– И еще хамское обслуживание в магазинах, – сказала она. – Я одной продавщице чуть в морду не плюнула. Я вернула в магазин платье с пятном, а она мне сказала, что это я пятно поставила. На самом деле оно с пятном продавалось. Продавщица такая зараза...

Роза замолчала, когда Павел ущипнул ее за бок.

– Мне жаль, что я доставляю вам столько неудобств, – сказал Наумов старший. – Потерпите. Теперь уж скоро... Недолго мне мучится.

– Отец, я уверяю тебя, что нет причин...

– Оставь вранье моему доктору. Я же знаю, я чувствую...

Читай, сынок, дальше. Впрочем, подожди. У меня икроножные мышцы сводит. Потри их.

– Но есть же ассистент врача. Он знает, то есть может...

– У него пальцы деревянные, – сказал отец. – У тебя лучше получится.

Павел взял край одеяла, приподнял его. По комнате поплыл запах кожного бальзама, которым смазывали стопы. Павел приподнял одну ногу, дряблую и худую, подложил под пятку круглый жесткий валик с кисточками по бокам. Начал тереть икроножную мышцу левой ноги сверху вниз и снизу вверх. Кожа на безволосых ногах была тонкой и блестящей как пергамент, под ней хорошо видны изгибы голубых вен, прощупывались волокна мышц, похожие на тонкие слабые веревки. Павел быстро вспотел, остановился, снял пиджак, и снова принялся за дело.

– Что с тобой, Павел? – старик поморщился. – Ты делаешь мне больно. Пусть она попробует.

Роза нерешительно поднялась, взяла с тумбочки тюбик крема, выдавила его руки и растерла ладони. И, низко наклонившись над кроватью, взялась за дело. Короткое платье сзади высоко задралось, обнажив плотные бедра, а глубокий вырез открыл взгляду старика аппетитные белые груди, не стесненные нижним бельем.

– Так хорошо? – спросила Роза, перехватив взгляд Наумова.

– Очень хорошо, – пропел старик. – Только помедленнее.

Не торопись. За нами никто не гонится. Ведь правда?

– Конечно. Нам спешить некуда.

– Это тебе неприятно? Ну, тереть мои ноги?

– Нет, почему же... Как раз наоборот, приятно. Даже очень. Они такие гладенькие, мягкие. Я могу и бедра помассировать. Я умею... Ну, не то, чтобы я профессиональная массажистка. Но я стараюсь.

– Хорошо, старайся, – кивнул старик. На его лице блуждала счастливая идиотическая улыбка. – Старайся, бог тебе воздаст...

Павел, ерзая на стуле, поглядывал на жену, на ее ляжки и зад, обтянутый платьем, и наливался злостью. Видимо, в душе он не одобрял то чрезмерное усердие, тот нездоровый энтузиазм с каким Роза растирает ноги отца.

Глава 2

После знакомства с работником уголовного розыска начальник службы охраны поселка «Лесное озеро» Александр Зуев, разволновался и долго не мог успокоиться. Он пригласил московского гостя в свою комнату, закрыл дверь и повернул ключ. Во время разговора он крутил пуговицу летнего пиджака и проводил бумажной салфеткой по лбу и почему-то старался не встречаться взглядом с собеседником.

– Двойное убийство на нашей территории – в это поверить невозможно, – Зуев поставил бесполезную галочку на листе бумаги. – Я тут четыре года. И никаких происшествий. У кого-то собачка убежит. Или кот на дерево залезет. Вот и все. Люди живут солидные, уважаемые. Крупные бизнесмены, государственные чиновники. И вдруг трупы, залитые бетоном...

– Вы записываете номера автомобилей, которые въезжают на территорию?

– На воротах камера, видеозаписи я храню месяц. Все номера машин могу найти.

– Видел эту камеру, – сказал Девяткин. – Она не пашет. Провод оборван.

– Есть другая камера, скрытая. Она работает. Проверяю ее каждый день. Тут все как в аэропортах и на таможенных терминалах. Клиент не должен знать о видеонаблюдении. Я

на таможене раньше работал, майор в отставке. Еще пару лет назад на поселок было сто человек охраны. Камеры наблюдения на каждом углу. Но жители были недовольны.

– Я смотрю, здешняя публика не бедствует. Ну, чтобы экономить на охране.

– Не в деньгах дело. Но пошли разговоры: мол, мы сюда приезжаем отдыхать, а не в кино сниматься. К кому-то, например, любовница в гости завернула. Или близкий друг к скучающей домохозяйке нагрязнул. Человек нервничает. Ему не нравится, что у кого-то хранятся такие записи. Короче, штат охраны сократили. Камеры сняли. Но кое-что я оставил. Для своего душевного спокойствия.

– Вы знакомы с Павлом Наумовым?

– Здравоваемся. Я горжусь, что здесь, у нас среди чиновников и денежных мешков живет известный писатель. Я немного общался с его женой. Очень хорошая женщина и нос не задирает. И вдруг два трупа... Как все это произошло, если не секрет?

– Мужчина и женщина убиты выстрелами из пистолета, – Девяткин поднял кулак, выставил вперед указательный палец, прицелился в хозяина кабинета. – Пиф-паф... И в дамки. Вот с такого расстояния стреляли. Как мы с вами сидим. Два выстрела в грудь. Ствол иностранного производства, калибр девять миллиметров.

Зуев следил за указательным пальцем гостя, он вздрогнул, когда тот сказал «пиф-паф». Девяткин подумал, что Зуев

темнит, что-то не договаривает. Иначе с чего ему так волноваться.

– Убийство произошло десять или одиннадцать дней назад. Эти дни выпали на понедельник и вторник прошлой недели. Ничего подозрительного вам не запомнилось?

– Я уже спрашивал своих парней: они не слышали и не видели ничего подозрительного за последние две-три недели.

– Не помните, когда последний раз сюда приезжал владелец дома Павел Наумов?

– Последний раз видел его две недели назад, – ответил Зуев. – Он приехал вместе с молодой супругой. Два года назад оставил старую жену, женился на красотке по имени Роза. Кстати, она исповедует спортивный образ жизни. Она не сноб, как большинство здешних обитателей. Работала в шоу бизнесе. Потом она немного располнела. И перестала вписываться в концепцию модных изданий. Она говорила, что теперь посвятила себя заботе о муже. О его счастье.

– Она дружила с кем-то из соседей?

– Приглашений было немного. Здешние дамы посматривали на Розу свысока. Просто завидовали ей. Ее обаянию и красоте.

– Итак, Наумов с женой приехал сюда две недели назад. Что дальше?

– Мы с помощником обходили здешние владения. Возле особняка Наумова увидели парня в костюме и с портфелем. Наверное, кто-то из банка приехал. Наумов заложил банку

свой дом. Получил полмиллиона долларов и улетел в Америку. Если бы он продал дом, а не заложил, мог получить куда больше. Только за одну землю, без стоимости строения наверняка дали бы миллион долларов.

– Он не продал дом, потому что покупателя пришлось бы искать долго, – ответил Девяткин. – Процедура продажи отнимает много времени. Значит, деньги понадобились срочно. А человек в темном костюме был представителем банка. Он осмотрел дом, получил ключи от хозяина и уехал. Сказал, что вернется через несколько дней. Нужно сделать фотографии всех комнат и еще что-то. Этот клерк и вправду вернулся два дня назад. Спустился в подвал, а пол под его ногами буквально провалился.

– Если бы не эта случайность трупы могли пролежать в подвале хоть сто лет.

– Когда случайных совпадений слишком много, перестаешь верить в случайность. Если бы женщину не завернули в ковер, под слоем бетона не образовалась бы пустота. Ну, что-то вроде пузыря. Но странно... Труп лежал так, что любой человек, оказавшейся в подвале, наступил бы именно на место ее захоронения. Наступил и провалился. Почему убийца выбрал это странное место прямо перед лестницей? Почему завернул свою жертву в ковер?

– Убийство... Оно произошло спонтанно. Под влиянием приступа агрессии. У Наумова был пистолет. Писатель открыл стрельбу. А потом пришлось прятать тела. У него не

было времени, чтобы обдумать свои действия. Ведь Наумов новичок. Он страшно перепугался. И все сделал на скорую руку. Возможно, он планировал перезахоронить трупы, когда вернется из Америки. Но вышло по-другому.

– Я вчера полистал одну его книжку, – кивнул Девяткин. – Преступник, совершив убийство, очень толково инсценирует несчастный случай. И оставляет сыщиков в дураках. Это только книга... И все-таки Наумов хорошо подкован в этом вопросе. Хотя бы теоретически.

* * *

К приезду младшего сына Вадима начали готовиться заранее. Наумов оплатил номер в гостинице. Сначала пусть отдохнет, все остальное позже. Павел тоже развил кипучую деятельность. Составил меню ужина, распорядился, чтобы в его номере сервировали стол на четыре персоны. Заказал цветы в свой номер и номер брата.

Хотел пригласить мексиканских музыкантов, но Роза сказала, что у нее и без музыки башка раскалывается. И Павел уступил, – у Вадима после длительного перелета вряд ли возникнет желание засиживаться за столом и вести разговоры.

Вадим появился с часовым опозданием. Это был высокий плотный человек, одетый в дорогой костюм. Он стремительно промчался по коридору, распахнул дверь и заключил в объятия сначала брата, а затем Розу, которую видел впервые.

Радченко досталось крепкое рукопожатие. Два официанта из ресторана, стояли в сторонке, у приставных столиков, ожидая распоряжений. Но церемония встречи затягивалась.

После обмена любезностями, Вадим, не выпуская из своих лап, белую руку Розы, изрек десяток стандартный комплиментов. Затем заявил, что читал почти все романы брата, не просто читал, перечитывал их, наслаждаясь прекрасным литературным языком, как знатоки гурманы наслаждаются вкусом изысканных блюд и вин.

– Может быть к столу? – Роза как-то многозначительно улыбнулась, будто предлагала что-то не совсем приличное. – Перекусим.

– Нет, нет... Теперь, веди меня в святая святых, – Вадим схватил брата за плечи и так встряхнул, что голова запрокинулась назад. – Не смею называть твое рабочее место кабинетом. Для меня это святыня. Творческая лаборатория мастера. Пишется с большой буквы. Ну, давай же. Я уже трепещу. Испытываю внутреннюю дрожь.

Павлу пришлось открыть дверь во вторую спальню, служившую ему кабинетом. Вадим вошел, оглянулся по сторонам. Слева ближе к окну двуспальная кровать, покрывало смято, подушки на полу. В темном углу письменный стол, на котором стоял включенный ноутбук и горела лампа, похожая на цветочный горшок. Стеклянная столешница завалена ненужными бумагами и журналами для мужчин. Один из журналов раскрыт на середине. На фотографиях толстая

загорелая баба, на которой из одежды только шелковая ко-
сынка и очки, пытается расшевелить древнего старика.

Вадим, оглядевшись по сторонам, заговорил тише, а затем перешел на утробный шепот:

– Значит, это и есть творческая лаборатория нашего ге-
ния? Черт побери, раньше ты никогда не пускал меня в свой
кабинет. При разумной постановке дела легко заработать.
Сюда можно водить экскурсии и загребать деньги лопатой.

Он подошел к окну, раздвинул шторы, затем остановил
взгляд на кровати. Медленно приблизился к столу. Но Па-
вел, подскочивший к столу раньше, успел свалить порногра-
фические журналы в корзину для бумаг. Но тут взгляду от-
крылся полупрозрачный бюстгальтер цвета морской волны,
женский чулок и смятые красные трусики. Такие же труси-
ки, только белые, валялись под столом. Не заметить эти ве-
щи Вадим не мог.

– Жена переодевается, где попало, – Павел был немного
смущен. – Одно слово – женщина.

– Понимаю, – кивнул Вадим. – А я уж подумал, что ты сам
переодеваешься в женское белье. И как бы черпаешь вдох-
новение в травести. Дань моде.

– До переодеваний пока не дошло, – улыбнулся Павел. –
И размер не мой.

Ужин начался болтовней и пустыми разговорами. Павел
сказал, что родные стараются дежурить у постели отца по-
сменно. Сейчас очередь Джона Уолша, мужа Ольги. А с утра

на смену заступать ему с Розой. Впрочем, к Розе это не относится, завтра она может не ехать с мужем, а спать до полудня.

* * *

На горячую закуску повара гостиничного ресторана приготовил жульены и салат из креветок с авокадо, так распорядилась Роза. Разговор крутился вокруг болезни отца, последней поездки Розы и Павла в Лондон и капризов погоды.

– Ну, что мы все о пустяках, – встрепенулся Павел. – С братом целую вечность не виделись. Расскажи, как ты?

– До сих пор холостяк, – Вадим смущенно улыбнулся. – На все хватает времени, только не на личную жизнь. Я же был директором завода, где выпускают истребители нового поколения. Полностью засекреченная продукция. Недавно получил новое назначение. С большим повышением. Теперь мы выпускаем оружие... Об этом нельзя говорить. На карте нет города, где находится наш завод. Настолько все серьезно.

– А как же тебя за границу выпускают? – спросил Павел. – Если ты такой весь важный и секретный?

– Во-первых, мне полностью доверяют. На самом верху, в Кремле, в ближайшем окружении президента. Во-вторых, я всего-навсего администратор, директор. Человек, который ничего не знает о технологиях. Ну, похитит меня иностранная разведка. Что я скажу под пытками? По каким дням рабочие получают зарплату?

– А как твоя зарплата?

– Сейчас в оборонную промышленность пошли огромные деньги. Можно обогатиться, стать состоятельным человеком, проработав в моей должности год-полтора. Так что, обижаться не приходится.

Павел собрался распорядиться насчет горячего, когда раздался звонок. Он поднялся, что-то промычал в трубку и вернулся.

– С отцом плохо. Надо ехать к нему. Роза переодевайся. Надо же, так не вовремя.

– Твоему старику становится плохо в те моменты, когда всем хорошо, – Роза скомкала салфетку и бросила на стол. – Если я приятно провожу вечер, то обязательно позвонят и скажут: ваш старик уже не дышит. Не подает признаков жизни. Когда мы приезжаем, приступ почему-то заканчивается. Будто и ничего не было.

– Собственно, я готов, – сказал Вадим. – Жаль, что так получилось...

* * *

Сели в лимузин, что прислал Наумов, добрались до его особняка. Вадим шел по коридору к спальне так быстро, что за ним никто не поспевал. Он толкнул двустворчатую дверь, пару секунд постоял на пороге, кинулся к кровати и упал на колени. Старик, не успевший слова вымолвить, вдруг

всхлипнул, из глаз выкатились мелкие как бисер слезинки и потерялись в морщинах. Он чуть приподнялся на взбитых подушках, положил руку на голову сына, прикрыв ладонью наметившуюся плешь.

Вадим сграбастал край одеяла и расплакался в него. Родственники встали в отдалении, старясь не нарушить торжественную минуту встречи отца с блудным сыном. Радченко наблюдал, как Роза вытаскила из сумочки голубой платочек, отороченный кружевами, и стала вытирать крупные слезы, бежавшие из глаз. Сцена была настолько эмоциональна, что Павел, чуждый сантиментам, тоже полез за платком и высморкался.

– Встань сын мой, – сказал Наумов старший загробным голосом.

– Не встану, – ответил Вадим. Он плакал и не стыдился своих слез. – Прости меня за все.

– Уже простил. Простил всех вас, своих детей.

Роза рыдала навзрыд. Радченко тоже, поддавшись общему настроению, полез в карман и проверил, не забыл ли в гостинице платок.

Глава 3

Попасть на территорию поселка «Лесное озеро» человеку постороннему, не имеющему здесь дома, не составляло большого труда. Ворота были открыты весь день. Их закрывали с полуночи до шести утра, у тех, кто въезжает в поселок в это время, спрашивали пропуск. В доме, где находилась служба охраны, коротали время за игрой в карты и телевизором три-четыре аккуратно одетых парня.

Днем работы немного. Охранники должны обходить поселковые улицы и территорию возле искусственного пруда. Там, размещалась лодочная станция, пивной бар. И гордость поселка – двухэтажный летний ресторан с террасой на втором этаже, сверху открывался прекрасный вид на неподвижную водную гладь, старые сосны на противоположном берегу и скульптуры в авангардном стиле, беспорядочно расставленные вдоль дорожек, мощеных плиткой.

В будний день в ресторане посетителей было немного. Девяткин и Зуев перекусили и выпили пива на веранде.

– Давно вы поддерживаете тесные отношения с женой Наумова? – спросил Девяткин.

Ничего в лице Зуева ничего не переменилось, он продолжал разглядывать какую-то точку на горизонте и курил.

– С чего вы решили, что у нас есть какие-то отношения?

– Она, как и вы, исповедует спортивный образ жизни, –

усмехнулся Девяткин. – Родство душ. Только не вздумайте врать.

– Все началось в прошлом году, летом. Она спросила, умею ли я играть в теннис. Смогу ли показать, как делать крученую подачу. А потом... Мы изредка встречались в городе. Я, конечно, не был для нее светом в окошке. Таким женщинам нужны парни покруче меня. Но я к ней искренне привязался. Даже надумал бросить семью. Рассказал Розе о своих планах. Она рассмеялась. Искренне, просто до слез. И посоветовала не забивать голову чепухой. Тогда я понял, что наша связь для нее ничего не значила.

– В тот последний день между вами что-то было?

– Нет, конечно. Муж там крутился. И этот хмырь из банка приехал. Мы договорились встретиться в четверг вечером. Я ждал весь день, но звонка не было. Ее мобильник был отключен. На городской телефон Роза звонить запретила. Дома все время точит Наумов, который страдает патологической ревностью. При нем разговаривать трудно.

– Вы уверены, что ревность Наумова именно патологическая? Для ревности не было причины?

– Ну, почему же... Просто я употребил не то слово.

– Когда вы встречались последний раз? О чем разговаривали?

– Месяц назад виделись на Тверской. У меня как раз оказались ключи от квартиры приятеля. Короче... Она пришла, мы немного поболтали. Роза сказала, что ее муж хочет зало-

жить загородный дом. Наумову деньги для чего-то понадобились. Дом заложат, но от этого в жизни ничего не изменится. Она по-прежнему будет приезжать в «Лесное озеро», жить там, сколько захочет. Мы сможем встречаться, когда Наумов будет в городе. О будущей поездке в Америку сказала, что долго там не задержится. В Штатах живет отец ее мужа, старик болеет. И, весьма возможно, дело пахнет большим наследством. А это приятный запах.

– Она объяснила, зачем Наумову срочно понадобились деньги?

– Нет, она ничего не сказала, а мне до лампочки. Встретаться с красивой женщиной и болтать о финансовых проблемах ее мужа, – это глупо. Я пришел не разговоры разговаривать.

Девяткин позвал официанта и, не обратив внимания на протесты Зуева, расплатился.

* * *

Радченко выскользнул из спальни старика Наумова, прошел широким коридором до лестницы и свернул в гостиную. Здесь в большой комнате с диванами и креслами, стоявшими на огромном персидском ковре, окна были распахнуты настежь. С океана дул теплый бриз, слышался крик чаек, летящих над песчаным пляжем и полосой прибоя. В кресле у камина, задрав ноги на кофейный столик, развалился Вадим

Наумов. Он отдохнул пару часов на диване и теперь после бессонной ночи не выглядел усталым.

– А это ты, адвокат, – сказал Вадим.

– Там очень душно. Пришел подышать.

– Как наш старикан?

– Роза делает ему массаж ног.

– Отец всегда любил эротические процедуры. Особенно если за них не надо платить. А вот я мог бы подсыпать деньжонок этой девочке. Дать прекрасные чаевые за массаж ног. Говорят, она настоящая нимфоманка.

– Откуда эта информация?

– Так я тебе все и рассказал, – Вадим погрозил пальцем. –

В голове не укладывается, как это небесное создание, эта красотка, ложится в одну постель с моим братом? Он не самый умный парень на свете, к тому же грязнуля, жадина и обильно потеет. И, насколько я знаю, по мужской линии не силен. У него все стоит кроме члена. В придачу изо рта вохнет скипидаром.

– Он пишет интересные книги. Может быть, женщины ценят его ум?

– Чтобы писать книги не надо быть умным. А его романы годятся на растопку камина. Впрочем, я Люблю Павла. Со всеми его недостатками.

Ветер играл с белыми полотнищами занавесок. Радченко подошел к открытому окну. Солнце поднялось высоко над океаном. Была видна лужайка перед домом, покрытая изу-

мрудной травой, невысокая изгородь, за ней широкий пустынный пляж, океан, уходящий в бесконечность.

– Как прошла ночь? – спросил Радченко.

– Отец стонал, жаловался на боли в груди. Потом заснул, во сне звал блудную дочь Ольгу. Снова проснулся и опять вырубился... Старик очень ждет приезда Ольги, спрашивает о ней. А Ольга пропала неизвестно куда. Вот тебе и любимая дочь...

Откуда-то из-за спины Вадим вытащил плоскую фляжку с виски, отвинтил колпачок и приложился к горлышку.

– У меня есть любопытная информация, – он прикурил сигарету. – Один человек, заслуживающий доверия, сообщил, будто бы завещание составлено в пользу брата. Он получит отцовские деньги, недвижимость, коллекцию старинного оружия, золотых монет, антикварных часов. А нам с сестрой достанутся крошки, которые остаются на праздничном столе, когда торт съеден.

– Не располагаю такой информацией, – сухо ответил Радченко.

– Ты – адвокат моего брата, правды от тебя не добьешься. Вадим наверняка что-то говорил об отцовском завещании. Он что-то знает. Но молчит. Мой брат всегда был любимчиком отца.

– Мне казалось, что любимицей была Ольга. Только у нее с детства сложились доверительные отношения с отцом. У них были какие-то свои игры, свои тайны... Позднее, когда

Ольга стала взрослой женщиной, отношения с отцом стали прохладными. Он не захотел дать дочери взаймы крупную сумму денег, когда Ольга начинала свое дело. Поэтому старик хочет исправить старые прегрешения. Он не обидит Ольгу. И вас тоже. Я в этом уверен.

– Я не цепляюсь за деньги отца. Потому сам успешный бизнесмен и весьма небедный человек. Мои активы превышают то, что имеет отец. Но в отличие от брата и сестры, я искренне люблю старика, он мне дорог. Возможно, это единственный по-настоящему близкий мне человек. Да, да, на все планете нет дороже человека, чем он.

– Павел тоже любит отца.

– Ире и Павлу нужны только деньги. Потому что вся человеческая сущность этих людей исчерпывается тремя понятиями: алчность, зависть и злоба. Так они устроены, их не переделать. Конечно, и я бы не отказался получить некоторую сумму наличными и в придачу этот дом. Но я приехал сюда не за деньгами. Если мое присутствие подарит отцу единственный час жизни, не час, хоть полчаса, значит, я не зря здесь торчу. Я останусь с отцом до конца, до его последнего вздоха.

* * *

Просмотр видеозаписей, полученных при помощи скрытой камеры в поселке «Лесное озеро», Девяткин устроил

в небольшом кинозале. Киносеанс с перерывами продолжался шестнадцать часов, присутствовали девять наиболее опытных оперативников и следователей уголовного розыска Москвы. Перед началом просмотра Девяткин не забыл сказать, что судебные эксперты закончили основные исследования и пришли к следующему выводу.

Мужчина и женщина, найденные в подвале одного из домов в поселке «Лесное озеро», были убиты десятого или одиннадцатого июля, точнее время установить не удалось. Женщине приблизительно сорок один – сорок два года, мужчине около пятидесяти, документов нет. Жертвы застрелены из одного пистолета девятого калибра, с близкого расстояния, почти в упор, оружие не найдено. Лицо мужчины и женщины до неузнаваемости изуродованы тупым тяжелым предметом, обухом топора или молотком. Следов спермы не обнаружено, но эксперты утверждают, что перед смертью женщина была изнасилована. Насильник пользовался презервативом.

Для следствия интерес представляют автомобили, которые въезжали на территорию поселка в течение десятого и одиннадцатого июля. За это время в «Лесное озеро» заехало сто пятьдесят три автомашины и выехало сто сорок восемь. Некоторые автомобили выезжали и въезжали несколько раз, номера повторяются, и это облегчит работу. Скрытая камера была установлена в будке охраны за воротами, с этого места был неплохой обзор, разрешение камеры довольно высокое,

поэтому и качество видеозаписей хорошее. Оператор, чтобы сократить время просмотра, будет проматывать отрывки записи, где нет людей и машин.

Территория перед воротами освещена достаточно хорошо, чтобы увидеть номера машин, лица водителей и пассажиров, сидящих спереди. В дневное время машины перед воротами тоже останавливаются, всего на несколько секунд, поскольку там лежачий полицейский. Оперативники в зале опытные, не один десяток лет отработавшие в уголовном розыске, у всех профессиональная память на лица. Многих бандитов и убийц полицейские знают, как говорить, лично. И знают очень неплохо.

Возможно, кто-то из сидящих в зале сможет опознать в водителе или пассажире криминального авторитета или человека, проходившего когда-то по делу об убийстве. Сомнений в том, что действовал профессионал, нет. Преступление неплохо подготовлено и выполнено почти безупречно. Десяткин занял место на стуле, свет погас, на экране появилось изображение автомобиля, стоявшего возле будки с охраной.

За то время пока сыщики смотрели видеозаписи, были установлены владельцы почти всех машин, заезжавших в поселок. Где-то три четверти автомобилей – частные, остальные служебные. В основном из гаража правительства России, крупных банков и государственных компаний. С владельцами автомашин или их родственниками связались по телефону. Ничего подозрительного не выявлено.

К концу просмотра все оперативники, присутствовавшие в зале, заявили, что никто из водителей и пассажиров, им не знаком. Ошибка исключена.

Глава 4

Наступила глубокая ночь, когда Девяткин объявил часовой перерыв и сказал, что в соседней комнате можно выпить крепкого кофе и пожевать бутерброды. Люди вернулись в зал через час. Впереди еще пять-шесть часов работы, – и все. Нужно посмотреть видеозаписи той же камеры за одиннадцатое июля, может статься, преступник и его жертвы прибыли в поселок раньше, а убийство произошло, скажем, через несколько часов или даже через сутки после их приезда.

Погас верхний свет, на экран вывели изображение. Материалы досмотрели почти до конца, когда появилась машина, неновый «Фольксваген пассат», за рулем которого сидел мужчина в светлой рубашке, место рядом с водителем было пусто, но сзади хорошо видны два темных силуэта пассажиров. Время записи обозначено в нижнем левом уголке экрана: пять тридцать вечера, на улице светло, погода ясная.

Машина, въезжающая через раскрытые ворота, сбросила скорость, почти остановилась перед «лежачим полицейским». Лицо водителя попало в фокус. Оператор нажал кнопку «стоп-кадра» и увеличил изображение. Что ж, лицо хорошее. Лет сорок пять, гладко выбрит. Темные коротко подстриженные волосы, прямой нос, волевой подбородок. А вот взгляд неприятный.

– Знакомая личность, – сказал один из оперативников. –

Сергей Лорес. Последний раз задержан в Москве в кафе «Восток» три года назад. Была оперативная информация, что этот тип убил двух турецких бизнесменов и их водителя. Расстрелял из автомата на автомобильной стоянке. Мы взяли Лореса, обыскали его квартиру и квартиру его лучшей подруги, но ничего не нашли. Ни орудий убийства, ни наркоты, ни крупных сумм наличными... Ничего. С Лоресом проводили допросы в течение трех дней, безрезультатно. Пришлось отпустить. За три года он почти не изменился.

В зале включили верхний свет.

– Я этого малого помню, – сказал другой опер. – Лорес, он же Андрей Кузьменко, он же Губяк, Овечкин, Анатолий Пройма... Я вел дело об убийстве женщины. Подозреваемым был Лорес. Пострадавшая утонула в ванной. Но судебные эксперты обнаружили повреждения внутренних органов, как следствие – внутренние кровоизлияния. Перед смертью, дамочку хорошо избили. Влили в горло вина. И утопили. Установлено, что Лореса видели рядом с этой женщиной в продуктовом магазине за два часа до ее гибели. Улыбнулся ей и что-то сказал. Запись видеокамеры в этом продуктовом магазине – это все, что у нас было на Лореса. Короче, через сутки мы отпустили этого хмыря. А муж той женщины, а он к моменту убийства не жил с пострадавшей два года, получил всю ее недвижимость. Московские квартиры, два особняка. И кучу денег.

– Про Лореса говорили, но это все на уровне слухов, что

он совершал убийства по заказу преступных авторитетов, – сказал первый оперативник. – Точно помню, что к уголовной ответственности его не привлекали.

Из архива принесли досье Лореса. Еще полчаса люди, собравшиеся в зале, говорили о его связях в преступном мире и покровителях, среди которых были известные преступные авторитеты, потом разошлись. Лица пассажиров «Фольксвагена», сидевших сзади, восстановить не удалось даже после компьютерной обработки видеозаписи. Только темный абрис плеч, шеи и головы, – и все.

Однако можно с большой долей уверенности предположить, что один из спутников Лореса – мужчина, второй – женщина. Автомобиль зарегистрирован на имя некоего Бориса Серафимова, коммерсанта, который скончался три месяца назад от инфаркта. По словам вдовы, незадолго до кончины Борис был вынужден отдать в счет погашения долга кое-что из вещей, золотые часы, доставшиеся от деда, и «Фольксваген». Деталей его бизнеса и людей, с которыми покойный Серафимов поддерживал деловые отношения, вдова не знала.

Девяткин в третий раз сел за просмотр тощего досье Лореса. Близких родственников нет. Чем занимается, какой собственностью владеет и где живет в настоящее время – неизвестно. Но в досье были имена одного приятеля Лореса и двух его близких друзей. Выяснили, что приятель месяц назад уехал в Германию и с той поры в Москве не появлялся.

Было половина пятого утра, когда Девяткин распорядился, направить оперативные группы по двум адресам, где проживают подружки Лореса. Любовника на месте не оказалось. Но у одной из девиц, неотразимой красоты двадцатидвухлетней Веры Новиковой, студентки, Лорес провел позапрошлую ночь. Девяткин дал команду, чтобы на квартирах остались три-четыре вооруженных оперативника. Ключи от обеих квартир у Лореса есть, он может появиться в любую минуту.

Утро, день и большая часть вечера прошли спокойно, на ночь глядя Лорес позвонил в дверь той самой студентки. Через минуту на его запястьях защелкнули стальные браслеты. Еще через час он сидел в следственном кабинете Московского уголовного розыска, улыбался и повторял, что произошло недоразумение, какая-то ошибка, нет никаких оснований задерживать честного гражданина, не совершавшего противоправных действий.

Девяткин задал пару вопросов, Лорес заявил, что ничего не скажет, пока в кабинете не появится адвокат. Тогда задержанному разрешили сделать телефонный звонок. Вскоре приехал адвокат. Девяткин встретил его в коридоре, завел в тесную комнатенку. И сказал в доверительной беседе, что Лореса подозревают в двух жестоких убийствах. Доказатель-

ная база у следствия сильная. На этот раз Лорес наконец сядет, и до конца дней будет гнить где-нибудь на зоне за Польярным кругом. Но все это будет потом, позже. Через месяц, полгода, через год.

Но сегодня, прямо сейчас, следствию нужно выяснить, кто заказал убийство мужчины и женщины в поселке «Лесное озеро». И если адвокат вздумает проявлять чудеса крючкотворства и встанет на пути Девяткина, то горько раскается в своем поступке. Очень часто защитники, которые выгораживают бандитов и жестоких убийц, сами плохо кончают, – такова логика жизни. С адвокатом происходит несчастный случай, самоубийство или что похуже.

А может и так: в преступных кругах пойдет слух, что адвокат сам сдал Лореса полиции и выболтал много такого, о чем должен молчать до гробовой доски. Из корыстных или иных соображений, – неизвестно. И тогда дружки Лореса, а это люди опасные, сделают все, чтобы адвокат замолчал навсегда. Поэтому во время допроса адвокат должен вести себя тихо, не выражать протестов и не давать умных советов убийце. Тогда неприятности, как грозовая туча, пройдут стороной.

До сего дня защитник не был лично знаком с Девяткиным, но слышал о нем нечто такое, что сразу поверил: эти угрозы – отнюдь не пустой звук. Во время допроса, адвокат помалкивал, обильно потел, что-то черкал в своем блокноте. Потом попросил Девяткина оставить его один на один

с Лоресом буквально на минуту. И придушенным шепотом сообщил ему на ухо, что разговаривал с одним информированным человеком. Тот сказал, что у следствия на руках все козыри, возможно, существует даже не видеозапись самого убийства, которое совершил Лорес в загородном особняке.

Может быть, этот как раз тот редкий случай, когда записаться нет никакого смысла. Лично он, адвокат, не видит в своей миссии серьезных перспектив. Лорес был настолько поражен этим коротким разговором, что попросил у Девяткина время на размышление. Его увели в камеру, адвокат ушел.

Девяткин устроился на кожаном диване. Он подумал, что не спал двое суток. Поднялся, задернул занавеску, запер дверь и отключил телефон.

* * *

Вечер тянулся бесконечно долго. У кровати старика сидел Павел, он монотонным усыпляющим голосом читал Диккенса. Роза боролась с дремотой, механически кивая головой. Сегодня она надела розовое с глубоким декольте платье, тесно обтягивающее высокую грудь и едва прикрывавшее зад.

– Хватит, – сказал старик скрипучим голосом.

Долго тянулась пауза. Из мрака выплыл человек в белом халате. Низко наклонившись, он что-то прошептал в ухо старика и выслушал его ответ. Несколько минут старик смотрел

в потолок, наконец, прервал молчание:

– Теперь я хочу сказать нечто важное. Павел, ты подарил мне свою книгу, в которой защищаешь этого проходимца и бандита Шалевича. Вчера вечером я наконец дочитал твой опус. Я разочарован, Павел. Скажи, почему ты стыдишься своего имени? Зачем ты выдумал этот псевдоним и поставил его на обложку?

– Таково было условие издателя, – соврал Павел и подумал, что соврал неудачно. – То есть... Ну, я же пишу художественную литературу. Пишу романы. А здесь документальная вещь. Не мой жанр, и я решил... То есть мы решили...

– Не хочу слушать этот лепет, – сказал старик. – Я, я... Когда ты познакомишься с новым вариантом завещания... О, тогда поймешь, что отказываться от фамилии предков, это противоречит моральным принципам человека. Твои деды гордились фамилией Наумов. А ты... В России только преступники, воры, скрывающиеся от наказания, берут псевдоним или кличку. Для меня позор, что мой сын, – подписываться чужим именем. И ты как вор, как последний преступник, прячешься за жалким псевдонимом. Рад, что мать не дожила до этого часа.

– Отец, господи...

– Все, разговор закончен, – отрезал старик. – Выводы уже сделаны. Утром я вызову адвоката. Исправлю завещание. Не в твою пользу. Хочу, чтобы ты знал об этом. Знал, что сам во всем виноват.

Павел приоткрыл рот, выпучил глаза и так застыл. Он сидел неподвижно, словно пораженный молнией. Кажется, даже не дышал.

Радченко прислушивался к разговору. Сегодня ему достался жесткий стул в дальнем углу комнаты, ближе к двери. В удобном мягком кресле у окна дремал Джон Уолш, муж Ольги. Он задрал ноги в ковбойских сапогах на кофейный столик, расстегнул рубашку до пупа и откинул голову назад.

Время от времени он просыпался, прислушивался к разговору и, решив, что ничего интересного не происходит, снова погружался в дрему. Сейчас при слове «завещание», он окончательно проснулся, сбросил со столика ноги и выставил вперед левое ухо. Уолшу понравилось то, что он услышал. Если Павел потерял деньги, значит, Ольга и он станут немного богаче. Уолш разгладил усы и усмехнулся.

– Джон, – голос старика окреп. – Иди ближе.

Джон подскочил с кресла, прихрамывая, подошел к кровати старика. Встал возле изголовья и скорчил печальную физиономию.

– Джон, почему ты ничего не говоришь об Ольге?

– Просто нет новостей. Оля болеет. У нее высокая температура и сильный кашель. Я говорил с врачом: он запретил ей разговаривать. Даже по телефону.

– Это я слышал и вчера, и позавчера, – проворчал старик. – Я спрашиваю, когда она будет здесь?

– Как только ей станет лучше, – Джон неловко переминал-

ся с ноги на ногу. – Я снова поговорю с врачом сегодня же.

– Ее врач, видимо, не лучше моего, – вздохнул старик. – Все это странно... У человека простуда проходит за неделю... Вот что, Джон. Дозвонись Оле и передай вот что. Я изменю завещание, если она не будет сидеть здесь, возле меня. Если она не хочет поцеловать умирающего отца, значит... Значит, она не получит ничего. Сроку у нее – пять-шесть дней.

* * *

Старик забыл о существовании Джона и долго лежал с закрытыми глазами, потом попросил воды. Напившись, взял с тумбочки очки, внимательно посмотрел на Розу. Оценив ее наряд и приятные округлости фигуры, сказал:

– Роза, что-то у меня сегодня ноги побаливают. Боль не только в икроножных мышцах. Она выше пошла, на бедра. Может быть, ты...

Роза вскочила со стула.

– Конечно, я помассирую, лежите спокойно.

Она взяла тюбик крема, откинула одеяло и приступила к делу. Старик сладко стонал и, приподнимая голову, заглядывал в декольте Розы, полировал взглядом ее бедра.

– Розочка, посмотри, пожалуйста: с меня трусы сваливаются, – сказал Наумов. – Прямо падают. Неловко перед тобой. Не знаю, то ли я сильно похудел, то ли резинка ослабла.

Как думаешь?

– Резинка ослабла, – улыбнулась Роза. – Трусы сейчас совсем не нужны. Мы их снимем. Давайте я помогу. Вот так, вот так...

В гостиницу возвращались в лимузине старика. Роза успела залезть в бар-холодильник и выпить бутылку пива. Павла трясло от злости, чтобы сдержаться, он отвернулся к окну. Когда подъезжали к отелю, он сказал жене:

– Старик мелет вздор о моральных нормах и вечных ценностях, а сам у всех на глазах спустил трусы и чуть не трахнул тебя. А еще заявляет, что умирать собирается... Пока он не поймет тебя, точно не умрет. И, уже умирая, сделает еще пару исправлений в завещании. Чтобы мне ни гроша не досталось.

– Ну что ты разорался как баба? – Роза сверкнула глазами и сжала кулаки. – Никто никого не трахал. Твой старик не помнит, когда у него стоял. Впрочем, как и ты. Это у вас наследственное.

– То-то я смотрю: ты с таким энтузиазмом снимала с него трусы, что отец прослезился от удовольствия. Если бы я не сидел рядом, прыгнула бы в его постель.

– Одолжи у кого-нибудь немного мозгов, – зашипела Роза. – Ты просто идиот.

Она хотела сказать еще что-то, но машина уже остановилась у входа в гостиницу, и швейцар распахнул заднюю дверь.

Глава 5

Девяткин спустился в столовую, взял салат, бифштекс и кофе с молоком, сел у окна. Он меланхолично ковырял вилок салат и просматривал спортивную колонку в газете, когда напротив него приземлился Иван Широков, полковник полиции, служивший в Управлении по борьбе с экономическими преступлениями. Разговаривать не хотелось. Девяткин сделал вид, будто полностью поглощен спортивными новостями, даже окружающих не замечает. Фокус не получился. Широков поздоровался, протянул руку. Пришлось ответить, и начать муторный разговор, похожий на допрос, где Широков выступал в роли следователя.

– Слушай Юра, это правда? Ну, что ты задержанного во время допроса... Говорят, ты перестарался немного.

– Вранье, – аппетит мгновенно пропал. – У человека было слабое больное сердце. Когда он умер, я еще и допроса не начал. Только вытащил бланк и... Он грохнулся с табурета, сильно ударился головой. Даже есть рассечение на затылке. Я сам испугался. Он лежит, из затылка хлещет кровь, глаза вылезли из орбит. И уже начинаются судороги. Моей вины тут нет.

– Да, я понимаю, – по лицу Широкова было видно, что он не поверил ни единому слову. – Понимаю... У меня у самого такое бывает. Допрашиваешь какого-нибудь сукина сына, а

он вола крутит. Сам иногда сдержаться не могу. Ярость прямо глаза застилает. Дашь в пятак, – и немного легче.

– Я этого гада пальцем не тронул, – повторил Девяткин. – Я бы все равно не стал пачкаться об это дерьмо.

– Ну что ты передо мной... Мы же свои парни. Я ведь тебе не начальник. И в управлении собственной безопасности не служу. Мое мнение такое. Ситуация сложная, потому что раньше такое с тобой уже случалось. Несколько лет назад ты, если помнишь, ты так отделал одного коммерсанта, что тот долго не мог шнурки на ботинках завязать. Он так и не оправился, скончался. Тогда тебя наказали. Предложили на выбор: написать рапорт или отправляться в один городишко. Да, да... Где уголовников живет больше, гораздо больше, чем законопослушных граждан. Ты справился, навел там порядок. Да, железной рукой. И вернулся победителем.

– Это дела давно минувших дней. Кто о них сейчас помнит?

– Ошибаешься, – Широков хлебал суп и говорил одновременно. – Кому надо – помнят. И плохое помнят, и хорошее. Все наше прошлое сложено с сундуки с нафталином. И где-то хранится. Если надо освежить в памяти хорошее, откроют один сундук. Нужно плохое. Вот другой сундук. Беда в том, что хорошего никто не вспоминает. А вот помои... Да, да, всегда и всем нужны только помои и дерьмо.

– У тебя, гляжу, целая философия.

– Скверно вот что: тот уголовник, которого ты допраши-

вал, получил рассечение на затылке. Скажут: Девяткин сначала запугивал подследственного, бил его чем попало... Иди докажи, что этого не было. Но раньше времени ты нос не вешай. Я слышал, сейчас ты занимаешься громким делом, даже в газетах об этом пишут.

– Ты до сих пор веришь газетам?

– Я верю информации, которую получаю из своих источников. А начальству надоело терпеть твои методы работы. Короче, так. Я знаю точно: если ты это дело раскрутишь и найдешь убийц, в МУРе и Министерстве внутренних дел, может быть, закроют глаза. Да, да... На тот прискорбный факт, что подозреваемый скончался в следственном кабинете во время допроса. Мой совет тебе, Юра: постарайся найти убийц. Но держи себя в руках.

– Может быть, я так и поступлю, – вздохнул Девяткин. – Напишу рапорт и пошлю всех к матери.

– Только не горячись, – сказал Широков. – Управление собственной безопасности разглядывает тебя сквозь увеличительно стекло. Эти ребята ждут одного: когда ты оступиться и упадешь. Поэтому никакого рукоприкладства. Если задержанный попросит принести ему горячего кофе и горячих булочек, сходи и принеси. И не забудь пожелать приятного аппетита.

Оказавшись в номере, Радченко принял душ. Он сделал пару звонков в Москву, достал из портфеля книгу «Шаг в пропасть» Павла Наумова. На днях он получил этот солидный том, напечатанный на дорогой глянцевой бумаге, из рук автора, с его с дарственной надписью. Каждый вечер читал одну главу, но непрочитанной оставались две трети книги. Радченко подумал, что надо поскорее добить это дело, и хорошо бы успеть до утра. Завтра будут другие дела.

Он поднял телефонную трубку, заказал бутерброды и полдюжены газированной воды в бутылках. Присел на диван, зашуршал страницами. Павел Наумов поставил на обложке не свое имя, а псевдонимом Белов. Книга повествовала о жизни крупного предпринимателя, некоего Сергея Шалевича, осужденного за крупные хищения государственных денег, подлог, подкуп крупных чиновников, нанесение тяжких телесных повреждений депутату государственной думы, продажу поддельных векселей, долговых расписок и других ценных бумаг.

Задача автора книги состояла не в том, чтобы донести до читателя правду. Задача в том, чтобы малые крупницы правды перемешать с выдумкой. Спрятать темные дела и выставить напоказ то, что выставлять напоказ нужно: бескорыстие, доброту, широкую натуру героя. Поди проверь, что бы-

ло, а чего не было.

Радченко перевернул последнюю страницу, когда ночную непроглядную темноту за окном уже теснила серая предрассветная мгла. Он вышел на балкон и подумал, что в общем и целом Павел Наумов с задачей справился, деньги отработал честно.

Адвокатская контора «Полозов и партнеры», защищала Шалевича в суде. В свое время босс хотел подключить Радченко как этому делу, но передумал, защитников Шалевичу и так хватало.

Радченко, знакомый с материалами дела, про себя решил, что бизнесмен легко отделался: всего восемь лет лагерей. Он отбывает срок в колонии, которую купил с потрохами, от начальника до последнего контролера, хлебореза, лепилы и библиотекаря. В колонии, он имеет все, о чем можно только мечтать человек с богатым воображением, начиная с продуктовых деликатесов, коллекционного вина, заканчивая девочками и кокаином.

Книга не стала бестселлером, продажи шли вяло.

* * *

Девяткин вышел из столовой голодным и злым. Он вразвалочку шел через двор, чувствуя зуд в кулаках и злость на полковника Широкова, который всегда больше всех знает, треплется и дает советы, никчемные, бесполезные. Девяткин

чувствовал, как внутри, где-то в душе, в самом сердце, закипает котел с адским варевом.

Он пересек внутренний двор обширного комплекса зданий Главного управления внутренних дел Москвы. Моросил дождь, сигарета, зажатая в губах, горчила. Он предъявил удостоверение дежурному офицеру, охранявшему служебный вход в следственную тюрьму. Лязгнул замок, Девяткин стал спускаться вниз, в подвал, в один из кабинетов, где проводили допросы.

Он подумал, что сейчас два часа дня, свидание с одной очаровательной женщиной по имени Тамара назначено на шесть вечера возле кинотеатра на Пушкинской площади. Тут пешком всего-то четверть часа ходьбы. Мог бы получить интересный вечер. Кино, ресторан... А там уж как повезет. Если у Тамары будет настроение, вечер получит удивительное продолжение. Он навел порядок в своей холостяцкой квартире, наполнил холодильник вкусными вещами и поменял постельное белье. Этого свидания он долго ждал, а Тамара все не решалась сделать последний шаг навстречу, все тянула...

Он подумал, что из этой женщины могла бы получиться хорошая жена, и человек она неглупый, быстро кроссворды решает. Может быть, Тамара и есть счастье майора Девяткина. Ответ на этот вопрос еще некоторое время останется открытым. Потому что увидеться сегодня не судьба. Не будет ни приятного вечера, ни его продолжения, потому что

закончить допрос до шести вечера нет шансов.

В подвале он снова предъявил удостоверение и расписался в регистрационном журнале. Снова щелкнул замок, дальше коридор, разделенный перегородками на несколько секций. Зуд в кулаках не утихал, а почему-то становился все злее. Кипящая кастрюля с адским варевом пускала пар и клокотала.

Девяткин вошел в следственный кабинет. За столом сидел здоровенный малый, оперативник Саша Лебедев, чемпион Москвы по вольной борьбе в супертяжелом весе. Напротив него на привинченном к полу табурете устроился Сергей Лорес, одетый в летний серо-голубой костюм, туфли с лаковым верхом. Волосы напомажены и зачесаны назад. Не угадал он с одеждой, ведь к подружке собирался, не в тюрьму. Сидеть неудобно, табурет, привинченный к полу, не двигался. На левой руке браслет наручников, второй браслет пристегнут к металлическому кольцу, торчащему из столешницы.

Час назад Лебедев начал допрос, задал пару десятков общих вопросов и заполнил две страницы протокола. Девяткин ничего не сказал, сделал знак рукой, мол, продолжай. Устроился на стуле за спиной Лореса. В кабинет вошел и сел возле двери еще один оперативник Саша Ковтун, тоже спортсмен, большой парень. Он улыбнулся Девяткину, развернул газету и уткнулся в нее.

Пахло хлоркой, окон в кабинете не было, к исходу третьего часа от света люминесцентной лампы стали побаливать

глаза. Лоресу не сиделось, он нервничал, бросал взгляд за спину на Девяткина, будто ждал, что тот подкрадется сзади, накинет на шею удавку и стянет концы. Лебедев задавал вопросы, Лорес отвечал медленно, надолго задумывался, часто повторял, что без адвоката больше слова не скажет.

– Вспоминай весь день одиннадцатого июля, – сказал Лебедев. – По минутам. Не торопись, вспоминай. Итак, ты проснулся... Что дальше?

– Я десятый раз повторяю, что весь день пьяный был. С утра до вечера. Ничего не помню. Проснулся, вмазал стакан водки... И снова заснул. Вызовите адвоката.

– Адвокат, задница моя, у тебя уже был, – ответил Лебедев.

Девяткин раздавил окурок каблуком ботинка.

– Все, хватит, – сказал он. – Столько времени потеряли. И все без толку.

Он поднялся, снял пиджак, пристроил его на спинке стула, развязал узел галстука и закатал по локоть рукава рубашки.

– Надо этого деятеля отстегнуть от стола. А то руку ему сразу сломаем.

– Да, да, сейчас, – ответил Лебедев.

Он дописал предложение, поставил в протоколе жирную точку и убрал все бумаги и ручки в верхний ящик стола. А вместо них вытащил ключи от наручников, резиновую палку со свинцовым стержнем внутри, несколько пластиковых

пакетов, моток скотча и пару махровых полотенец. Другой оперативник поднялся со стула, вышел в коридор и вскоре вернулся с огромным железным ведром, полным воды.

Он поставил ведро на пол посередине кабинета, закрыл дверь, обитую железными листами, на внутренний засов. Встал перед Лоресом, которого колотила нервная дрожь, и тихо сказал, почти прошептал:

– На колени.

– Что? – Лорес поднял голову, он не мог справиться с собой, нижняя челюсть дрожала, щека дергалась. – Не понял.

– На колени, мать твою, – заорал оперативник. – И руки за спину.

Глава 6

Джон Уолш позвонил Радченко под вечер и сказал, что надо бы поговорить. И лучшее место – бар на втором гостиницы, там спокойно и посетителей немного. Когда Радченко вошел, Уолш сидел за столиком у окна, пил пиво и любовался на лазурный океан.

– Ты единственный человек в этой компании, который хорошо знает английский, – Уолш позвал официанта и попросил два светлых пива и чипсы с салсой. – И еще: кажется, ты толковый малый. Ты передашь все, что услышишь здесь, родственникам моей жены. Это длинная история, поэтому начну с начала.

Уолш вытащил из пачки сигарету и начал рассказ. Отслужив четыре года в морской пехоте, он вернулся на гражданку с твердым решением стать полицейским. Он с отличием окончил полицейскую академию в Нью-Йорке, начинал патрульным, позже работал в отделе по расследованию убийств в Бруклине. Однажды получил приглашение ФБР и решил не отказываться. Выдержал ряд собеседований и проверок, прошел переподготовку в школе ФБР.

Семь лет работал оперативным сотрудником. Во время операции по задержанию трех особо опасных бандитов и убийц получил множественные осколочные ранения от ручной гранаты. Довольно долго лечился, но врачи не боги. Он

до сих пор прихрамывал на правую ногу и глух на правое ухо. Уолшу предложили работу и приличную зарплату, в аналитическом управлении, а затем в центральном информационном центре ФБР.

Эту нудную рутину Уолш ненавидел. До пенсии оставалось далеко, ему предстояло годами заниматься писаниной и перебирать бумажки. Одно время он хотел подыскать другую работу, например, частного детектива. Тогда казалось: ловить преступников – это единственное дело в жизни, с которым он неплохо справляется. Но после ранения уверенности в своих силах поубавилось, и он оставил эти мысли. В то время он уже встречался с Ольгой Наумовой, успешной и очень привлекательной женщиной. Ольга владела салоном современной мебели в центре Вашингтона. Дела шли без особого блеска, но денег на жизнь хватало.

Как-то Ольга сказала, что на торговле современной мебелью много не заработаешь. Вот если бы работать со старинными антикварными вещами. Прибыль будет на порядок, на два порядка выше. Но где взять старину. На частных распродажах редко продают что-то по-настоящему интересное. В основном подержанную мебель, не представляющую никакого интереса для знатоков. Во время того разговора Джон вспомнил одну историю.

Один психопат, в прошлом дважды судимый продавец бакалейной лавки, накачался какой-то дрянью, взял огромный тесак и залез в чужой дом. Он хладнокровно расправился с

семьей из четырех человек: начал с мужа и жены, закончил двумя несовершеннолетними детьми. А потом, когда наступило просветление, убийца ужаснувшись содеянному, вышиб себе мозги из револьвера сорок пятого калибра, который нашел в доме.

Джон прибыл на место происшествия, чтобы допросить наследника, брата главы семейства. Когда покончили с вопросами и ответами, тот парень сказал, что хочет продать дом и все, что в нем есть. На классические автомобили, которые начал коллекционировать еще покойный дед, найдутся покупатели. Дом брата будет продать очень трудно, придется сбросить полцены, а то и больше. Но первым делом надо избавиться от антикварной мебели.

Но где найти человека без предрассудков? За несколько гарнитуров девятнадцатого века, сделанных в Италии известным мастером, человек просил гроши. А прибыль, которую можно получить, перепродав эту мебель знатокам коллекционерам, просто ошеломляет. Чистая астрономия.

По своему опыту он точно знает: наследники потерпевших или самоубийц первым делом стараются избавиться от мебели, на которую попала кровь, и предметов интерьера. По случаю помимо мебели можно купить за бесценок, очень редкие антикварные вещи. Целые коллекции старинного фарфора, гобелены ручной работы, картины, редкие ковры и многое другое.

Выяснить нужные адреса – вот проблема. Но ее Джон ре-

шит, ведь он работает в информационном центре ФБР, куда стекается вся информация о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных во всех уголках страны. Вот так пять лет назад начался этот бизнес.

Ольга получала информацию от Джона, созванивалась с богачами или их наследниками – а дальше дело случая. Часто она слышала слово «нет» или нарывалась на грубость, но случались, судьба преподносила королевские подарки. На первых порах ее тошнило при виде мебели в кровавых пятнах, но человек привыкает ко всему.

Затея была не совсем законной, Джон не имел права пользоваться служебным положением в корыстных целях. Но прибыль оправдывала риски. Ольга колесила по стране, вступала в переговоры с продавцами и частенько срывала банк. Вместе с мебелью она покупала коллекции старинного фарфора, ковры ручной работы и многое другое. Еще через полгода она открыла магазин антикварной мебели в Нью-Йорке, через год такой же магазин появился в центре Бостона. Уолш с легким сердцем ушел в отставку, его помощь была нужна на складе и в магазинах, а он истосковался по живой работе. А вскоре Ольга и Джон поженилась. Для Джона это второй брак, но он уверен, что Ольга – это его судьба.

Теперь данные о мебели поставлял один из старых друзей Джона. Ольга по-прежнему большую часть времени проводила в разъездах. В конце прошлого месяца в одном из богатых пригородов Сан-Франциско в старинном особняке пят-

надцатилетний подросток вколол себе дозу наркотика. Сначала испытал эйфорию, затем приступ агрессии. Выстрелом в спину убил одного из слуг и захотел расправиться с экономкой и садовником. Мальчишку пристрелили патрульные полицейские, прибывшие по звонку.

Родители парня решили распродать имущество, в том числе большой гостиный гарнитур из Италии, предположительно середина девятнадцатого века, уехать подальше и забыть о трагедии.

* * *

Ольга звонила Джону через день после приезда, сказала, что кроме гостиного гарнитура она приобрела два спальных гарнитура, тоже хорошем состоянии. Мебели нужна лишь небольшая реставрация. Она оплатила перевозку груза до Нью-Йорка. Ольга хотела отдохнуть один день на океане, а затем выехать в Лос-Анджелес. В десяти милях от города в частном особняке покончил с собой мужчина средних лет. Но перед тем, как пустить пулю в себе в рот, он застрелил жену, ее подружку и еще какого-то человека без документов. По виду мексиканец, возможно, нелегал, хотя для нелегала он был слишком дорого, даже изыскано одет.

Хозяин дома подозревал свою вторую половину в изменах, а ее подружку в сводничестве, она якобы знакомила супругу с искателями любовных приключений. Муж сделал

вид, что отправляется по делам в Новый Орлеан, заказал билеты на самолет, собрал чемодан, вызвал такси и уехал. Потом вернулся и находился где-то рядом с домом. Когда подруга и неизвестный мужчина приехали и вошли, он вытащил кольт сорок пятого калибра, открыл входную дверь своим ключом... А дальше море крови. И как следствие испорченная мебель, сделанная в начале девятнадцатого века известным французским мастером.

После похорон единственный наследник, сорокалетний Роберт Милз вернулся в опустевшее родовое гнездо и поселился во флигеле. Ольге удалось созвониться с ним, но мужчина отказался продать мебель. Сказал, что ничего не станет трогать в родительском доме. Но спустя сутки сам перезвонил и сказал, что поменял решение, он отдаст мебель, что стоит в доме, всю, оптом по относительно низкой цене. Условие одно – оплата на месте наличными.

Ольга прибыла в Лос-Анджелес на автобусе, взяла машину напрокат. Она позвонила Джону, сказала, что сейчас регистрируется в гостинице, немного отдохнет и, может быть, в этот же день отправится в то самое поместье. Больше звонков от Ольги не было.

Жена много моталась по стране, иногда она не могла позвонить Джону сутками, дел было выше крыши, вечером она, как правило, слишком уставала, чтобы болтать. Поэтому между Ольгой и Джоном есть уговор: он ей будет звонить только по вечерам. Если она не даст о себе знать сутки, двое,

даже трое, Джон не станет беспокоиться. Такова специфика ее работы.

* * *

С последнего разговора прошло одиннадцать дней, все это время Ольга не выходит на связь, ее телефон отключен. Это очень странно. В таких случаях надо идти в полицию, но тогда придется рассказать всю правду о семейном бизнесе. Но, самое главное, полицейские потребуют назвать источник информации Джона в ФБР.

Последствия будут ужасными. Парень, его зовут Майкл, который делился информацией, разумеется, не безвозмездно, потеряет все. Работу, страховку, будущую пенсию. Но этого мало, за такие дела можно угодить в тюрьму. У Майкла старики родители, трое детей, главное, жена серьезно больна. Короче, рассказать об этом человеке полицейским, все равно, что подписать его жене смертный приговор.

Разумеется, и сам Джон потеряет пенсию и другие жизненные блага. Но ему будет не так обидно. Это его идея использовать секретную информацию ФБР. Он все организовал и вовлек в незаконный бизнес целую группу людей, включая жену. И Ольге будет несладко. Поэтому обратиться в полицию придется, когда выбора уже не будет.

Каждый день старик спрашивает о дочери: когда придет, почему ее так долго нет. Но ответить нечего. Джон привлек

к поискам жены одного частного детектива из Лос-Анджелеса, своего знакомого Питера Брея. Ему пятьдесят четыре, бывший сотрудник ФБР, теперь уже пенсионер. Работает он не слишком быстро, но на него можно положиться. Питер побывал в гостинице, где остановилась и провела две ночи Ольга. Номер до сих пор номер закреплен за ней, там ее вещи. В том числе ноутбук и фотокамера. Он связался со своим человеком в службе проката автомобилей и узнал, что «Тойота Камри», пока не возвращена. Где находится машина, неизвестно.

Питер разузнал, что с хозяином мебели Ольга встретилась в прошлый понедельник, о цене они договорились. Ольга обещала привести деньги на следующий день, во вторник, но не появилась, даже не позвонила. Получается, что этот парень Роберт Милз, последний человек, который видел Ольгу и разговаривал с ней. За это время не появилось никакой информации о женском теле со следами насильственной смерти, которое нашли в Лос-Анджелесе или его окрестностях. За последнюю неделю, по данным ФБР, был найден только один криминальный труп, это мужчина двадцати лет с разбитым лицом, сломанным носом и без передних зубов.

Джон с каждым часом волнуется все сильнее, не спит, ждет звонка жены. Но телефон молчит. Очевидно, ему предстоит поездка в Лос-Анджелес, надо провести собственное расследование, еще раз поговорить со всеми свидетелями.

Какое-то время Джон молчал, будто вспомнил что-то важ-

ное. Открыл пачку сигарет, лежавшую на столе, и сказал:

– Хотел, чтобы ты поговорил с братьями Ольги. Рассказал им, о чем мы говорили.

Радченко пообещал, что сегодня же встретится с Вадимом и Павлом.

Глава 7

Допрос продолжался сутки с небольшими перерывами. За это время задержанный Сергей Лорес из лощеного вальяжного господина, барина и хозяина жизни, превратился в жалкое существо в мокром залитом кровью костюме. Существо, которое мучается болью в почках и желудке, судорогами в бедрах и икроножных мышцах, и всеми силами старается усидеть на табурете, но падает на пол, просит сигарету и не может поднести ее к губам, потому что руки ходили ходуном.

Лорес ответил на вопросы, назвал имя посредника, человека который предложил заказ на мужчину и женщину. По его словам, в первых числах июля ему позвонил некий Антон Жаркий, человек с серьезными знакомствами в преступном мире. Во время встречи и прогулки в уединенном месте Жаркий сказал, дело срочное, поэтому к обычной таксе, по двадцать тысяч баксов за одну цель, светит хорошая наработка. Процентом тридцать, а то и сорок.

По легенде Лорес водитель какого-то бизнесмена. Нужно встретить в Шереметьево вечерний рейс из Америки, мужчину и женщину, посадить в машину и довести до поселка «Лесное озеро». По приезде надо выгрузить из машины багаж туристов. А дальше – действовать. В сарае стоит небольшая бетономешалка, там же мешки с цементом, гравий и песок. Подвал дома не доделан, там есть подходящее место, с

готовой опалубкой, где покойников можно залить бетоном.

Очень важно, чтобы трупы не могли идентифицировать. Надо изувечить лица, удалять родинки, бородавки, татуировки, отрезать пальцы – нет нужды, отпечатков этих людей нет в полицейской базе данных. После дела машину отогнать подальше и сжечь, от ствола избавиться. В документы убитых – не заглядывать, это условие заказчика. Паспорта, чековые книжки, банковские карты и все, что найдется в бумажниках, уничтожить. Лорес задал несколько вопросов, но Жаркий ничего толком не ответил. Может быть, он и сам ни черта не знал.

Лорес взял один день на раздумье, ему не понравилось, что посредник не дает никакой информации о будущих жертвах. С другой стороны, нужны были деньги. Лорес как раз собирался поменять машину, поэтому считал каждую копейку. Если бы не эта проклятая машина, он бы, наверное, и не взялся. На следующий день Жаркий передал ему ключи от «Фольксвагена» и загородного дома в поселке «Лесное озеро», а также пистолет и патроны.

Ровно в четыре вечера Лорес приехал в Шереметьево и встал в том месте, куда выходили пассажиры американского рейса. Он надел каскетку с длинным козырьком, чтобы в объективы видеокамер, установленные под потолком, не попало его лицо. Перед собой он держал картонку, на которой было написано «Фирма Лодж-Кэпитал». Женщина оказалась очень симпатичной, она говорила по-русски. Мужчи-

на знал всего несколько слов и вставлял их к месту и не к месту. Особенно часто повторял «уважаемые господа», «с большим удовольствием» и «с новым годом». И смеялся, понимая, что сказал что-то не то и не к месту. Вообще он был веселый приятный парень. На кольцевой дороге они попали в пробку.

Когда вошли в особняк, Лорес понял, что не успеет переделать всех дел до полуночи. А в это время ворота закрывают, значит, придется выходить из машины. Не исключено, что охранник в будке его запомнит. Значит, надо заночевать в доме, дожидаться утра, когда откроют ворота.

В морозильнике было полно замороженных продуктов, тут же, на полу, стоял ящик импортного пива. Лорес разогрел в духовке лозанью. Сели к столу, поели, выпили пива. Лорес не спрашивал, зачем и почему эти люди прилетели сюда из Америки. Он никогда не задает лишних вопросов. А сами гости о цели своего визита ни словом не обмолвились. Женщина рассказала какие-то забавные истории из своей жизни. Она хотела побывать на экскурсии в Кремле. Втроем они хорошо посидели, поболтали, посмеялись.

* * *

Время было за полночь, когда Лорес поставил в мойку грязную посуду. Первым он прикончил мужчину. Это произошло там же, на кухне. Мужчина увидел пистолет, открыл

от удивления рот и сказал, думая, что Лорес шутит: «С новым годом». И получил пулю.

Хотел и женщину пристрелить там же, на кухне, но подумал, что уже сделал половину работы, устал и заслужил небольшой бонус. И в кармане штанов как нарочно завалась пара презервативов. Женщину он изнасиловал на кухонном полу, а потом избил до потери сознания. Связал ей руки за спиной телефонным проводом, перетащил в большую комнату. Сам сел у телевизора, посмотрел футбол и выпил пива.

После просмотра футбола он изнасиловал женщину второй раз, но убивать не стал, может, еще захочется. Он разжег в камине огонь и уничтожил американские паспорта, не заглядывая в них, кредитные карточки, фотографии. И еще дорожные чеки «Американ экспресс» почти на полтора миллиона долларов. Конечно, слезы на глаза наворачивались, когда сжигал эти вещи. Но Лорес утешил себя мыслью, что чеки – это всего-навсего бесполезная бумага. Обналичить их могла только покойная хозяйка и никто другой.

Лорес не заглянул в документы – и это чистая правда. Таков уговор. Может только сказать, что паспорта были американские, синие с золотым тиснением. Кажется, женщина называла своего спутника «дорогой», его имени ни разу не произнесла. Впрочем, за точность Лорес не ручается, он слишком плохо понимает чужой язык. Из того бумажника он переложил в карман только немного наличных, чего деньгам

пропадать.

Лег на диван и задремал. Проснулся глубокой ночью, женщина лежала на полу и смотрела в потолок. Пустой неподвижный взгляд, лицо распухло, на груди ссадины. Лорес прикончил ее и взялся за дело. Переоделся в джинсы и майку, сбросил тела в подвал, пошел в сарай, зарядил бетономешалку и заперся изнутри, чтобы соседи ничего не слышали. Бетон он спускал вниз ведрами, очень торопился. Работа закончилась уже утром. Лорес завернул тело женщины в небольшой коврик. Из-за этого коврика слой бетона сверху получился слишком тонким. Если наступить – бетон провалится. Но таковы были инструкции заказчика.

Лорес принял душ, тщательно убрал следы своего пребывания в доме и гараже. В полдень сел за руль и уехал. Он отогнал машину подальше от Москвы, на глухой лесной дороге сжег ее и вещи иностранцев, избавился от пистолета. Если бы не проклятая скрытая камера на въезде в поселок, менты не раскрутили бы этого дела никогда. Жаркий сказал, что видеосъемка в поселке не ведется, есть одна камера возле ворот, но она не работает. Лорес не стал проверять, поверил на слово. Это – еще одна ошибка, роковая, непоправимая.

Адрес Антона Жаркого Лорес не знал, но помнил его телефон. Надо было заставить Лореса позвонить своему работодателю, сказать, что есть неотложное дело и назначить встречу в уединенном месте. Но Лорес был в плохом состоянии. Он туго соображал и медленно выдавливал из себя сло-

ва. Так можно довести его нервного срыва, и все испортить.

Девяткин отпустил оперативников, которые помогали ему проводить допрос. Вызвал конвой, приказал доставить Лореса в камеру, накормить досыта, найти для него чистую и сухую одежду. И дать ему поспать шесть-семь часов, хоть правилами внутреннего распорядка спать днем запрещено.

* * *

Вечером Джон вошел в номер Радченко, сел в кресле у окна и стал обмахиваться журналом, хотя в комнате было прохладно.

– Есть еще какие-то нюансы, о которых мне нужно знать? – спросил Радченко. – Я еще не говорил с братьями. Но мне кажется: между тобой и Ольгой произошло что-то...

– Ну, есть одна штука... Короче, перед отъездом Ольги мы с ней немного повздорили. Я вернулся довольно поздно. Ужинал с одним приятелем. Я возвращаюсь, жду ее... Полночь, а жены нет. Чтобы скоротать время, я вытащил из бара бутылку. Ольга появилась во втором часу ночи и сказала, что была занята с клиентом. Я был немного на взводе. И ответил, не выбирая слов. В том смысле, что в час ночи с клиентами можно только трахаться, а не заниматься бизнесом.

– Вы помирились? – спросил Радченко.

– Не совсем. На следующее утро у меня не было возможности извиниться. Я ушел слишком рано. Я ей позвонил, но

она сказала, что не хочет разговаривать со мной по телефону. У нас будет серьезный разговор, когда она вернется, но не раньше. Ольга сердилась, что в последний год я часто прикладываюсь к бутылке. Отсюда наши размолвки. Попросила ей больше не звонить. Черт, эта проклятая выпивка...

– Будем надеяться, что Ольга жива и здорова. Она заработалась и забыла, что время бежит. И очень быстро.

– И еще одна штука, – Джон почесал затылок. – Не хотелось тебе об этом говорить. Не хотелось, чтобы братья Ольги об этом узнали. Мне чертовские неприятно касаться этой темы.

– Говори, что мы дети...

Джон повертелся в кресле и выложил свою историю. Разлад Джона и Ольги наступил не только потому, что после увольнения из ФБР он выпивал слишком часто, а возвращался домой слишком поздно. Джон был по его словам неисправимым эстетом, ценителем всего прекрасного и, прежде всего, женщин. Злые языки повторяли, что он не пропустит ни одной юбки, что он перетрахал всех сослуживцев и подруг жены. В этом была доля преувеличения, но была и доля правды.

К сожалению, до Ольги доходили какие-то грязные слухи, как обычно в таких случаях с изрядной долей преувеличения. Ольга удивительно терпеливый человек, она прощала любовные похождения мужа, но лишь до поры до времени. И как раз в тот злополучный вечер, когда сама пришла до-

мой очень поздно, после бурного выяснения отношений, она сказала, что больше прощать не может и не хочет.

Накануне ей донесли, что у Джона был секс с некой Ольгой Моулиш, русской женщиной, старшим экспертом нью-йоркского антикварного магазина. Она была замужем за американцем, потом развелась, сменила несколько друзей, но своего единственного мужчину пока не нашла. Джон не хочет снимать с себя вины, но напраслину возводить тоже ни к чему. На самом деле эта связь закончилась еще полгода назад, причем по инициативе Джона. Он испугался за себя, увлечение этой женщиной переросло в глубокую душевную привязанность. Да, это было серьезное увлечение, но не настолько серьезное, чтобы он оставил Ольгу.

«Если я уволю из компании всех баб, с которыми ты трахался, то мне не с кем будет работать, – сказала Ольга. – Просто никого не останется. Разве только старушка, которая четыре раза в неделю поливает цветы и протирает пыль. До нее ты еще не добрался. Хотя, может быть, напьешься в следующий раз и решишь, что эта бабка как раз то, чего тебе не хватает. Ну, для полного счастья. А если я не уволю твоих любовниц, а просто поругаюсь с ними, – вокруг меня останутся одни враги. Этого я не хочу. Поэтому поступлю проще – разведусь с тобой». На этом разговор кончился. А утром уже не было возможности его продолжить, объясниться и принести извинения. Ольга ушла слишком рано.

Джон попрощался и пошел к себе. Радченко побродил

по номеру, обдумывая, что делать дальше. Он решил, что о любовных приключениях Джона и нюансах семейной жизни братьям Наумовым знать необязательно.

* * *

Девяткин перекусил в столовой, вернулся в свой рабочий кабинет, запер дверь, лег на разложенный диван и провалился в бездонный колодец сна, похожего на глубокое забытие. Он проснулся во второй половине дня, позвонил в следственный изолятор и спросил, как дела у Лореса. Оказалось он до сих пор спит.

– Пусть просыпается, – сказал Девяткин. – И готовится к продолжению допроса.

Он сел за рабочий стол, заварил растворимого кофе и набрал телефон Тамары. Услышав ее голос, поздоровался, извинился за то, что свидание сорвалось по его вине. И завел разговор на общие темы. Месяц назад во время знакомства Девяткин, разумеется, не смог скрыть от дамы своего сердца, что имеет отношение к уголовному розыску. Но ума хватило не обмолвиться, что занимается расследованием убийств.

Тамара женщина впечатлительная, преподает рисование в художественной школе, если рассказать ей пару реальных историй из своей практики, две ночи спать не будет. Даже со снотворным. Сначала Девяткин вовсе не планировал говорить, что работает в МУРе, хотел придумать себе какую-то

другую профессию, спокойную и безопасную. Ничего убедительного в голову не лезло. Ну чем может заниматься здоровенный мужик, у которого на теле две отметины от пули и полдюжины шрамов от ножа. Цветами что ли торгует, протирает штаны в офисе?

Придумал не ложь, а некую полуправду. Да, он работает в уголовном розыске, но его профиль – ловить воров карманников или заниматься квартирными кражами. Тамара оказалась женщиной любопытной и часто спрашивала о делах.

– Приходится пахать в две смены, – пожаловался он. – Жульа развелось... Неводом не переловишь. Допросы, допросы...

– И этим ты занимался все выходной? – в голос Тамары слышалась нотка обиды и ревности. – Допросами? Неужели и ночью работал? Неужели нельзя эти допросы до понедельника отложить?

Кажется, Тамара хотела сказать другие слова, злые, обидные. Кстати, допросы в ночное время запрещены законом. И не вредно бы тебе, работнику МУРа, знать такие вещи. Впрочем, тонкостей уголовно-процессуального кодекса про ночные допросы Тамара не знала, – и слава богу.

– Честное слово, я был на работе. Поймали одного деятеля с кошельком на кармане. А он никак сознаваться не хотел. Сказал, что кошелек на полу в метро подобрал. И, как честный человек, нес в полицию, чтобы сдать.

– И что в итоге? – голос сделался мягче, человечнее. – Он

сознался?

– Сознался, – Девяткин вытряхнул из коробочки кусочек пластыря, снял с него вощеную бумажку и заклеил сбитые костяшки пальцев на правой руке. – Куда он денется. Конечно, сознался. И все подписал, что надо.

– Ладно, поздравляю тебя с успехами в работе. Звони, когда поймаешь всех московских жуликов и появится свободная минутка.

Девяткин как раз вспомнил подходящую случаю остроу, но услышал короткие гудки. Он допил остывший кофе, выкурил сигарету и поднялся. Когда Девяткин вошел в следственный кабинет, Лорес уже полчаса, пристегнутый наручниками к столу, елозил на табурете. Он был одет в лохмотья, которые ему выдали в изоляторе вместо испорченного костюма: короткие тренировочные штаны, вытертые на коленях, и белую майку с надписью на груди: «Я люблю Париж».

Правое ухо было разорвано. Иногда из носа начинала сочиться кровь, он проводил под носом бумажной салфеткой и всхлипывал, словно готовился расплакаться. Дрожь в руках не унималась, кожа на лице, серая и пористая, была покрыта испариной. Девяткин угостил Лореса сигаретой, поднес огонек зажигалки.

– Сережа, если тебе плохо, я вызову врача, – голос Девяткина звучал мягко. – Вызвать?

– Мне хорошо, – Лорес глубоко затянулся дымом и вытер кровь с верхней губы.

– Если ты не можешь сейчас разговаривать с Жарким, давай перенесем это дело. Отдохни еще часа два-три. Поешь и поспишь. И тогда...

– Я сыт, – Лорес смотрел на Девяткина красными глазами и часто смаргивал, на ресницах висели слезинки. – Сколько мне обломится?

– Обвинение будет предъявлено только по одному этому эпизоду. Убийство безотягчающих. Ни изнасилования, ничего. Восемь лет получишь. Но не больше.

Лорес всхлипнул и вытер кровь салфеткой. Он попросил вторую сигарету, скурил ее до фильтра и сказал:

– Давай трубку.

Глава 8

Вадим Наумов, заложив руки за спину, расхаживал по просторному номеру. Дошагав до стены, где висела картина полнотелой женщины, кормящей грудью ребенка, он резко разворачивался и брел к противоположной стене.

– Я всегда говорил, что этот Джон Уолш – проходимец, – пробормотал он. – И вот теперь он втянул нас в историю. Мы приехали за наследством, а получим шиш. Подумайте, что произойдет дальше? ФБР, полиция, судебное разбирательство... Мы попадем в скандальную хронику. Газетчики напишут, что русские жулики оказались в центре международного скандала с секретной информацией, украденной у ФБР. Деньги, завещанные Ольге отцом, арестуют. А заодно уж и на наши банковские счета тоже арест наложат.

Он побродил по комнате встал у окна и стал смотреть на белые барашки океанских волн. Павел Наумов, развалившийся в кресле, потягивал безалкогольный коктейль с ледяной крошкой.

На диване Роза листала журналы мод, сложенные стопкой на кофейном столике. На ней был воздушный пеньюар, похожий на розовое облако. Полупрозрачная ткань давала возможность почти во всех деталях разглядеть ее роскошный бюст и другие приятные округлости тела.

– Последний раз я видел Ольгу год назад, – сказал Па-

вел. – Меня пригласили в поездку по университетским городам Америки. В Бостоне я прочитал лекцию студентам, изучающим русский. Кстати, успех был потрясающий. Зал слушал меня, затаив дыхание.

– На лекцию пришла пара русских стариков, – уточнила Роза. – И три-четыре сумасшедшие бабы, эмигрантки с Украины. Привели своих детей и внуков. Чтобы посмотрели на живого классика. Дети и внуки быстро ушли, старики заснули. Поэтому было тихо. И мой муж всласть наговорился. Он любит болтовню в пустом зале.

– Твои упражнения в остроумии неуместны. Итак, я встретился с Ольгой, мы поужинали, а вечером пошли в театр. Чтобы встретиться со мной она специально приехала в Бостон. Ольге как раз исполнилось сорок один. А выглядела она, будто ей двадцать восемь. Красивая, уверенная в себе, преуспевающая женщина. Она сказала, что очень счастлива с Джоном, вот только детей им бог не дал.

– С Джоном ты тогда встречался? – спросил Вадим.

– Перебросились парой фраз, и все. Последний раз я разговаривал с Олей по телефону месяц назад. Обычный разговор: погода, здоровье отца. Мы с Ольгой не были по-настоящему близкими людьми. Что касается Уолша... Он темная лошадка. Вот вопрос: почему Уолш променял престижную работу в ФБР на мышиную возню с этой порченной мебелью? Отработав в конторе двадцать пять лет, он мог получить пенсию в полном объеме. А здешняя пенсия – это не русские

гроши. Он мог уйти на заслуженный отдых миллионером и до конца жизни плевать в потолок. А он...

Роза в раздражении бросила журнал на пол.

– Этот Уолш в отличие от тебя похож на мужика. Он знает, чего хочет. И добьется своего.

– Хватит, – Вадим рубанул воздух рукой. – Я подведу итог прениям. Господин Уолш что-то затевает. Цель его понятна. Он мечтает получить деньги отца, а нас оставить с носом. Как будет действовать Уолш, мы не знаем. Но некоторые догадки у меня есть. Я не исключаю, что он пойдет на крайние меры. Круг лиц, которые рассчитывают на отцовские деньги, наверняка сузится. Кто-нибудь из нас может, например, выпасть с балкона, погибнуть под колесами машины или...

Роза засмеялась:

– Ты умрешь от переизбытка воображения. Сам напугаешь самого себя до смерти. Мы даже «скорую» вызвать не успеем, чтобы тебя откачали.

– К черту ваши шутки. Уолш работал оперативником ФБР. Он умеет замаскировать убийство под несчастный случай. Уолш сам признает, что связи в ФБР у него остались. Состояние отца, насколько мне известно, – где-то около двадцати с лишним миллионов долларов. Плюс недвижимость. Это еще миллионов двенадцать. Плюс коллекция золота, ювелирных украшений, старинного оружия. Это хорошая ставка. Игра уже началась.

Роза отбросила очередной журнал, поднялась с дивана, и,

вилая задом, подошла к двери спальни. Потянула на себя латунную ручку, но оглянулась и бросила взгляд на мужа.

– Ты еще долго будешь болтать? Или хоть раз в неделю займешься чем-то полезным? Возможно, даже приятным?

Дверь в спальню захлопнулась. Смущенный Павел покашлял в кулак и сказал:

– Ладно, договорим завтра. Мне нужно некоторое время... Чтобы подумать.

Радченко и Вадим Наумов вышли в коридор, постояли возле лифта.

– Ты уже проводил время с Розой? – спросил Вадим. – Или только мечтаешь об этом?

– Я женатый человек, – покачал головой Радченко. – У меня ребенок, мы с женой любим друг друга. И я ей не изменяю.

– Разумеется, как я мог об этом забыть: ты такой правильный, что меня уже тошнит, – усмехнулся Вадим. – Это в Москве ты играешь роль примерного семьянина. Здесь ты можешь позволить себе то, чего нельзя там. Один совет. Когда она это предложит, а Роза всегда выбирает мужчин сама, не отказывайся. Иначе многое потеряешь. Это будет огромный пробел в твоём сексуальном воспитании.

– А вы...

– Я не делаю резких движений. Просто терпеливо жду ее приглашения. И точно знаю: дождусь. Или я ничего не понимаю в женщинах.

– Но ведь она жена вашего брата.

– Жена брата? – Вадим засмеялся. – Она просто шлюха.

Красивая шлюха.

Радченко выдавил из себя кислую улыбку и вышел из лифта.

* * *

Встречу с Антоном Жарким назначили в районе Сретенки, в многолюдном кафе, где за разными сладостями, чаем и разговорами коротали время домохозяйки и молодые парни с подружками.

Девяткин прибыл на место раньше условленного срока. Его сопровождала Лиза Серова, миловидная блондинка лет тридцати пяти, одетая в модный брючный костюм. Лида служила в полиции больше десяти лет и не раз принимала участие в задержаниях бандитов и убийц. Девяткин бережно нес два фирменных пакета, в которых лежали пустые коробки из-под обуви.

Сели за столик возле витрины. Со стороны Лиза и Девяткин напоминали симпатичную пару провинциалов, которые, намотавшись по московским магазинам, устав от жары и уличного смога, нашли тот спокойный оазис, где можно отдохнуть и подкрепиться. Кафе не слишком большое, просматривается с разных точек.

На тротуарах полно народу, среди которого легко зате-

ряться. Если что пойдет не так, возникнут осложнения, менты не смогут применить оружие из-за риска зацепить кого-то из пешеходов или посетителей кафе. Да, место встречи Жаркий выбрал удачное. Но и оперативники не спят. В общей сложности на улице и в забегаловке, что напротив, сейчас шесть человек. Плюс два оперативника сидят в машине на этой стороне улицы, рядом с кафе. На заднем сидение Лорес, одетый в приличный костюм.

От запахов корицы, ванили и свежих пирожных с шоколадным кремом приятно кружится голова. Девяткин съел бутерброд и стал обмахиваться газетой. Душно, но кондиционер почему-то едва пыхтит.

– Душно, – поделился наблюдением Девяткин.

– Мне здесь нравится, – Лида сидела лицом к входной двери, она первая увидит Жаркого, когда тот появится. – Люблю, когда тепло. И ненавижу холод.

На часах без четверти два, Жаркий не опаздывает на деловые встречи. Возможно, он уже где-то рядом. Девяткин съел бутерброд, поковырял мороженое ложечкой, выпил большую чашку черного кофе и заказал вторую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.